

- Драться друг с другом неинтересно, - смахнул со лба пот Изуна, - Но, по крайней мере, мы теперь знаем о Мангекё чуть больше. И что дальше? Есть предложения?

- У меня такое чувство, что Мангекё не только усиливает Шаринган, но и дает новые способности. Проверим?

- Каким образом?

- Просто.... прислушайся к своим чувствам и попробуй использовать Мангекё. Доверься интуиции.

Скепсиса во взгляде Изуны хватило бы на троих.

- Ничего лучше предложить не могу, - пожав плечами, сказал я, - С чего-то надо начинать.

Все-таки брат согласился и мы разошлись в разные концы поля. Что делал Изуна я не смотрел, но лично я сел в позу лотоса и прикрыл глаза.

Конечно, из аниме и манги я знал, на что способен Мангекё, но как эти способности использовать?

Два часа я просидел в медитации. Чего я только не пробовал - и подавать чакру к глазам, и складывать печати, и даже выкрикивать название техники (во время этого особенно удивленно смотрел на меня Изуна со своего края поля).

В конце концов, это сильно меня разозлило. И одновременно со злостью, я просто захотел, чтобы стоящий передо мной манекен вспыхнул черным пламенем. И, к моему удивлению, это сработало - из ниоткуда на манекен обрушился поток черного огня, за несколько секунд пожравший его и растекшийся после этого по земле, сжигая теперь уже траву.

Сначала я даже растерялся - слишком уж неожиданно и быстро все произошло, но быстро взял себя в руки и стал уже с любопытством рассматривать черное пламя.

Как и в аниме, уничтожало Аматарасу все, к чему прикасалось.

- Ничего себе! - воскликнул подбежавший Изуна, - Как у тебя получилось?

- Не знаю, - честно ответил я, - Скорее всего, использование Мангекё завязано на эмоции.... На негативные эмоции, вроде злости и ненависти, но точно я не знаю - это только мое предположение.

Ну да, вполне логично. У Учих все завязано на негатив: даже для получения Мангекё нужно испытать сильную моральную боль, поэтому Учихи и считали, что для его получения надо убить лучшего друга. Если я прав, то Мадара говорил сущую правду о том, что Учиха и ненависть неразрывно связаны.

И, опять же, если я прав, то Изуна никогда не продвинется далеко в использовании Мангекё - слишком он добр. Нет, врагов клана он будет истреблять без сомнений, используя Шаринган на всю.... Но на большее он вряд ли способен. До уровня Мадары, который тот продемонстрировал во время Четвертой Войны, ему никогда не дойти.

Кстати, я не заметил, чтобы мое зрение сильно ухудшилось. Либо я не подвержен этому по какой-либо причине, либо оно ухудшается постепенно и поначалу это даже не заметно.

Тем не менее, обменяться глазами с Изуной будет необходимо. Только в отличие от оригинального Мадары, я не оставлю брата слепым и отдам ему свои глаза.

- Научи! - потребовал Изуна, когда я погасил Аматерасу.

- Само собой, - вздохнул я.

Еще через час Изуна все-таки смог призвать черное пламя. Вот только у брата Аматерасу вышло поменьше и менее *агрессивное* - оно, конечно, уничтожало все на своем пути, но как-то без *огонька*. Впрочем, врагам и этого хватит за глаза. А со временем, я надеюсь, у Изуны будет лучше получаться.

Когда брат погасил Аматерасу, я жестом подозвал одного из наблюдателей, который так и не рискнули выйти на поляну и смотрели за всем издалека.

Шиноби тут же оказался рядом, опустившись на колени и склонив голову.

- Вы все видели? - спросил я, окидывая взглядом сожженную землю.

- Да, господин.

- Отлично. Приведите пару преступников, осужденный на смерть. Надо испытать гендзюцу.

Шиноби только кивнул и в следующую же секунду исчез. Ждать долго не пришлось - уже через двадцать минут нам привели двух закованных в кандалы смертников.

- Что они совершили? - спросил я не из любопытства, а скорее для очистки совести.

- Этот, - наблюдатель указал на толстого заключенного, - был казначеем. Пытался обокрасть казну клана. А этот - предатель, шпионил для клана Хассаши.

- Почему второго не использовали для дезинформации?

Золотое правило любой разведки: пойманного шпиона не убивают, его используют.

- Это мне неизвестно, господин, - склонился в поклоне шиноби.

- Ладно, можешь идти.

Наблюдатель кивнул и переместился к остальным.

Кстати, забавное у них тут законодательство - приговоренных к смерти можно использовать для тренировок и исследований. Генины могут это делать только с письменного разрешения своего командира, а вот чунины - просто устно уведомив начальника тюрьмы. Джонин же, как глава клана, может в любой момент прийти в тюрьму и перерезать там хоть всех смертников. *А если среди приговоренных к смерти есть полезные люди?*, - спросит кто-нибудь. Ответ прост: полезные в смертники не попадают. Полезных, даже если он вражеский шиноби, используют. В камерах для смертников по определению содержится мусор, который к тому же совершил особо тяжкое преступление.

И здорово они тут с казнокрадством борются, не то что у меня на Родине. Даже уважать начинаю местные законы.

Выбрал я, как не трудно догадаться, неудавшегося вора. Изуна же со шпионом снова отошел к

другому концу поляны.

Толстяк был напуган. Он даже зажмурился. А ведь для второй способности Мангекё, Цукуёми, нужен глазной контакт.

- Открой глаза, - мягко попросил я, на что толстяк только замотал головой и сильнее сжался, - Могу отрезать тебе веки. Хочешь?

Угроза подействовала и вор испугано распахнул глаза. Именно то, что и нужно.

Наученный опытом Аматерасу, я сразу же привел себя в состояние ненависти и попытался *затянуть* его в гендзюцу, как это делал Мадара с помощью обычного Шарингана. Получилось почти сразу.

Вот вокруг обычный мир, и через секунду все вокруг стало монохромным, а солнце сменилось красной Луной. При этом мое сознание как будто разделилось - я одновременно был и в обычном мире и в мире Цукуёми, только в гендзюцу время текло иначе.... Это сложно объяснить на словах.

Толстяк оказался в Цукуёми раньше меня - тут он не был связан и испугано озибался по сторонам. Когда я появился перед ним, он поспешил бухнуться на колени.

- Господин, умоляю, пощадите, - заверещал он, - У меня семья и дети....

Ха, а ведь это было правдой - в моем мире от меня ничего нельзя было скрыть. Откуда-то я знал это.

- Ими ты меня не разжалобишь, - спокойно ответил я, наблюдая за этим мусором.

Да и вообще меня разжалобить в нынешнем теле, пожалуй, невозможно. Мадара был безжалостным человеком и это, похоже, передалось и мне. Хотя я и раньше не был добрым самаритянином.

А что до его семьи.... Преступления главы семейства не сказываются на его жене, детях и прочих родственниках. *Сын за отца не ответчик*, - как сказал однажды Иосиф Виссарионович.

Но толстяк продолжил умолять. Очень быстро я его заткнул кляпом. Я просто пожелал, чтобы это случилось - и вуаля!

А потом я придумал кое-что повеселее. То, что этот толстяк заслужил своим преступлением. Надо же додуматься - воровать у клана деньги в военное время! Деньги, которые тратились на содержание семей, лишившихся кормильца, и нужды всего клана. За их сохранностью следили со всей строгостью. Распил бюджета тут был просто невозможен.

- Ты хотел золота, - медленно сказал я, пока толстяк поднимался над землей, следуя моей воле, - Возьми же. Три дня все золото этого мира - твое.

Под преступником появился котел, полный расплавленного золота. Уверен, там ОЧЕНЬ горячо, да и под котлом горит нешуточное пламя.

- И не стоит благодарности.

Я позволил толстяку упасть прямо в котел. И хорошо, что я сразу огородил себя от любых звуков с его стороны. Судя по его барахтанью и выпученным глазам - ему было очень больно.

Через, казалось бы, вечность огонь под котлом погас и золото постепенно остыло.

Взгляд у толстяка после пытки был уже безумным.

- Осталось семьдесят один час, пятьдесят девять минут и пятьдесят девять секунд, - с улыбкой сказал я ему, вновь заноса тело толстяка над новым котлом с золотом....

Когда я вернулся в реальный мир, прошло всего секунда между применением Цукуёми и возвращением. Ужасающая техника. Не хотел бы я под нее попасть. К счастью, носители Мангекё ее могут не опасаться. А вот остальным стоит побережться.

Толстяк выглядел жалко - лежал на земле, пуская слюни. Видно было, что его мозг уничтожен и это теперь не более, чем овощ. Он не Какаши и перенести Цукуёми не смог. Пожалуй, такая участь похуже смерти будет. Да и туда ему и дорога.

У Изуны Цукуёми так и не получилось. Учитывая, что дело приближалось к вечеру, мы решили продолжить тренировки завтра с утра.

Толстяка я приказал посадить в клетку и выставить на главной площади с табличкой, в которой описано что он сделал, на три дня. После этого его следовало обезглавить, а тело сжечь и развеять пепел над рекой. Это будет хорошим уроком для всех коррупционеров - я не Ельцин, и нянчиться с этой мразью не намерен.

<http://tl.rulate.ru/book/105832/3769076>